

Перси Борисовичу Гурвичу, социал-демократу.

Учителю, соавтору, другу...

(черновик неотправленного письма)

Начну с главного, без всяких вступлений. Перси Борисович, вы всегда казались мне волшебником. Начиная с самой нашей первой встречи, которая произошла весной 1984 года, и вплоть до самых последних дней...

Почему волшебником? Да потому что у вас все было необыкновенно, ярко, глубоко, удивительно. Я даже, честно говоря, иногда сомневался, что все происходит на самом деле. Уж не розыгрыш ли это? Такие мысли возникали, например, когда вы в середине разговора неожиданно переходили на латинский язык, и, не замечая замешательства слушателя, продолжали говорить на языке древних римлян, потому что так было удобнее поддерживать тему...

О некоторых чудесах и волшебстве я немного вспомню здесь. Не о всех, далеко не о всех.

Но сначала поясню, почему именно письмо, почему именно так мне нужно строить мои воспоминания. Мы много говорили с вами, Перси Борисович, много спорили, дискутировали, но мне кажется, что я так и не успел вам сказать самого главного, я так и не успел наговориться с вами, и именно поэтому я продолжаю наши разговоры, я продолжаю рассказывать вам то, что я думаю, о чем размышляю. Я продолжаю ежедневно разговаривать с вами внутри себя, теперь вот делаю это и письмом.

Первые десять лет этого века подарили мне очень тесное и глубокое общение с вами, Перси Борисович, и это общение переросло в настоящую дружбу. Для меня это было несколько удивительным, так как в обществе, в котором мы живем, возрастная разница часто является непреодолимым препятствием не только для дружбы, но и для простого человеческого участия и понимания. Но вы, Перси Борисович, не обычный человек...

Мы работали вместе как боевые товарищи, исследователи и соавторы, довольно много времени проводили вдвоем, чаще всего на кафедре во Владимирском педагогическом институте (назову этот многострадальный вуз по старинке, чтоб всем было понятно). Кабинет кафедры находился на четвертом этаже, что даже для молодых студентов было определенным препятствием, однако, вы, Перси Борисович, будучи вдвое, втрое, вчетверо старше всех остальных, каждый день взбирались по высоченным лестницам наверх, чтобы попасть в довольно скромный и даже аскетичный кабинет. Столы, стулья, шкафы, два кресла (единственные знаки некоторого комфорта).

Собственно, почти все мои воспоминания связаны с этим кабинетом, хотя мы встречались и работали и в других местах, если вы помните, а в последнее время и у вас дома. Но сегодня, когда я хочу еще раз поговорить с вами, я представляю вас сидящим в кресле, близ стола, читающим какие-то бумаги. Вы оборачиваетесь к входной двери, видите входящего человека, узнаете его, бросаете привычно «Привет», и говорите свое знаменитое «Снимитесь», что означает - снять верхнюю одежду и повесить на вешалку. Я сажусь рядом в другое кресло, вы дочитываете листок, откладываете его в сторону и

спрашиваете, уже обращаясь ко мне: «Ну, как дела? Что нового?». И мы начинаем обсуждать последние события, делиться мыслями, подкидывая друг другу на пробу разные идеи и объяснения происходящего в мире, стране, области и городе. Это у нас называется разминкой. Потом, конечно, начинается работа, записи, правки, споры... Но сегодня я расскажу вам о вас. О том, каким я вас знаю, каким я вас люблю...

Учитель.

Все началось в далеком уже 1984-м году. В весенний день к нам в аудиторию вошел высокий стройный пожилой человек в костюме, в ярком красном галстуке. В руках у него ничего не было, ни папки с бумагами, ни самих бумаг. Для нас, студентов, это был явный сигнал, что человек зашел сказать пару слов и уйти. А человек вдруг сразу начал читать лекцию. Никуда не заглядывая, ниоткуда не читая, причем сразу говоря готовыми предложениями, фразами, в общем, полностью готовым текстом без всяких запинок и неровностей. Это было совершенно поразительно!

Мы слушали и смотрели заворочено на нашего нового лектора. Но это еще не все. Надо обязательно добавить про неповторимый акцент! Это невозможно воспроизвести в тексте, я сошлюсь на мои тогдашние ощущения, которые я очень хорошо запомнил. Тогда, почти 30 лет назад мне сначала показалось, что это грузинский акцент. Размышляя о том, кто вы, я склонялся к мысли, что вы - грузин. Скорее всего, потому что я только с этим акцентом и был знаком, по футбольным репортажам Котэ Махарадзе. Манера говорить и тембр вашего голоса, Перси Борисович, сначала мне как раз и напоминали этого грузинского комментатора. О, какие были времена! Какие были студенты! Ничего не знаящие ни про антисемитизм, ни про сионизм, ни про все эти проблемы... Представляю, как вы смотрели на нас, какими наивными мы вам тогда казались.

Но и э то еще не все. Содержание лекций также было непривычным. Оно никак не напоминало то, что было написано в наших обычных учебниках. Как я уже потом понял, Перси Борисович, вы использовали для своих лекций те знания, тот опыт и те тысячи страниц источников и исследований, прочитанных и изученных вами, начиная с конца 30-х годов в университетах Европы и в лучшей школе антиковедения в Москве. Именно тогда от вас я впервые услышал цитату из Лукиана, из его «Фарсалий»: «Мил победитель богам, побежденный любезен Катону». Оказывается, побеждать – это вовсе не самое главное в жизни. Вы говорили и показывали, что побежденные бывают более глубоки и более правы в своих оценках и в своих поступках. Вот бы сегодня некоторым товарищам такое понимание...

Вы, конечно, этого не помните, но мне врезался в память такой эпизод. Минут через 15 после начала лекции, когда вы уже всю рассказывали нам про оптиматов и популяров, в дверь без стука влетел один наш запоздавший студент. Он с порога начал говорить привычные слова о том, что он задержался по общественным делам. Обычное для того

времени дело. Но ваша реакция была неожиданной. Вы довольно строго сказали, что нет таких общественных дел, в связи с которыми можно опаздывать на лекцию. И что оправдать опоздание на лекцию могли бы только личные дела. Вот если бы вы, студент, опоздали бы из-за личных дел, я бы вас непременно впустил бы. Но раз вы сами сказали, что это были общественные дела – то пустить я вас никак не могу. И не пустили.

Представляете, как это было удивительно для нас, уже усвоивших начальные правила советского конформизма?

Ваши рассказы о социально-политических перипетиях древнегреческой и римской истории были полны таких интересных деталей, подавались с таким понимаем и глубиной, что наверняка у многих возникали мысли, что все это происходило с вашим непосредственным участием. Для вас такое отношение к давно прошедшим событиям было естественным. Это чувство Истории, которое я впитывал именно от общения с вами в учебной аудитории.

И вот еще случай, связанный с вами. Я был старательным студентом, но учился весьма легко и поэтому поверхностно. И вот пришло время экзамена. Мне повезло, я получил вопрос, который мне был хорошо известен и я его рассказал. Не найдя, что еще спросить, вы вдруг сказали: «А вы знаете, что ваша фамилия фигурирует в великом романе Ильфа и Петрова?».

Я не растерялся, и ответил, что в романе «Двенадцать стульев» есть фраза «А обедает ли еще Евстигнеев», а это не совсем моя фамилия.

«А, вы и это знаете!» - воскликнули вы и поставили мне «отлично».

Полугодовой курс истории Древнего мира закончился.

Однако, к счастью, учиться у вас я не перестал.

Соавтор, товарищ по политической борьбе.

Еще до окончания мной института мы с вами почти одновременно вступили на депутатскую дорогу. Вы неожиданно, как депутат, стали вплотную заниматься коммунальным хозяйством города и многие жители Владимира знают и помнят вас именно по вашим делам в коммунальной сфере. Я, признаюсь, следил за вашей деятельностью, и всегда удивлялся этой вашей ипостаси. Мне казалось, что быть успешным ученым, преподавателем, полиглотом – это уже вполне достаточно для жизни одного человека. Что вам было надо? Только позже я это понял. Это был один из главных уроков в моей жизни, за который я вам очень благодарен. Этот урок очень трудно объяснить, именно поэтому вы его никогда словами и не выражали. Этот урок можно только продемонстрировать, показать на своем примере, что вы и делали. Если кратко, как я это понял – человек живет не только для себя. У него есть огромный долг перед людьми, которые живут вокруг него, и даже перед животными, которые нуждаются в его помощи. И еще – твои слова, твои идеи должны обязательно соответствовать твоим делам. Это сложный урок, его не выучить по учебникам. Для такого урока нужен Человек. И, слава Богу, в моей судьбе такой Человек был.

...Помню, как я увидел вас в педагогическом институте уже в 1999 году, и решился подойти. Вы меня, к моему удивлению, узнали, вспомнили даже фамилию и попросили зайти на кафедру, поговорить. С этого все и началось. Вы довольно быстро предложили мне начать писать книгу. Я, не медля, согласился.

Наступило десятилетие нашей активной работы. Мы много спорили о

социал-демократии, пытались собирать людей, создали даже организацию и зарегистрировали... Но ваши надежды на то, что я смогу быть активным политическим деятелем были напрасны. Хотя у нас многое получалось, но мы быстро поняли, что намного лучше у нас получается что-то писать. И мы принялись писать. И это была исключительно важная для меня часть жизни.

Культура умственного труда, дисциплина мышления, техники работы с источниками позволяли вам успевать заниматься и делами кафедры, и наукой, и многогранной общественной деятельностью, и теоретической работой по развитию социал-демократических идей.

Во время наших встреч вы редко, но все же рассказывали о своем опыте, о своей жизни. Какие это были удивительные рассказы! Для меня, человека, родившегося во второй половине XX века, казались фантастикой ваши воспоминания о людях, заходивших в дом вашего отца в Риге. Павел Аксельрод, когорта старых социал-демократов, меньшевиков и так далее! Именно от вас, Перси Борисович, я услышал о лучших ораторах XX века. Оказалось, вы слушали и Троцкого в Париже в 1937-м, и Черчилля в Лондоне чуть позже, и могли сравнивать их. Черчилль казался вам как оратор мощнее.

Да сколько всего еще было!

Думаю, если бы я собрал все ваши рассказы и воспоминания, то могла бы получиться целая книга, интереснейшая книга. К сожалению, нельзя сказать, что вы, Перси Борисович, любили рассказывать о себе и о своей жизни. Вы никогда не считали собственную жизнь и собственный опыт слишком уж важными для других.

Редкие воспоминания не мешали нашей основной работе – мы анализировали, описывали и пытались понять, что происходит в стране и мире. Меня всегда удивляла ваша теоретическая цепкость и стойкость, необыкновенная эрудиция, феноменальная память.

Мы много спорили о Марксе, о вкладе Энгельса. Мы написали и опубликовали больше десятка крупных статей. Все они в переработанном виде легли в основу нашей книги. Она, почти готовая, несколько месяцев ждала подведения окончательных итогов. Но не дождалась.

Я надеюсь, я очень хочу завершить это дело, дописав и издав задуманную когда-то вами книгу. И завершу ее, как вы и задумывали, вот этим отрывком из стихотворения Александра Блока:

Народ - венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать господня лета
Благоприятного - и нам.

Скажу все же еще несколько важных слов. Мне кажется, ваш дар обществоведа, пытливого и глубокого исследователя социального мира был раскрыт не до конца. Естественно, по весьма объективным причинам. Я имел возможность неоднократно убеждаться в глубине и правильности ваших идей, и даже в некотором опережении времени!

Приведу один пример. Как социал-демократы, мы часто дискутировали об учении Маркса и Энгельса. От вас я впервые услышал идею об особой роли Энгельса в развитии марксизма, чуть ли не большей, чем роль самого Маркса. Это потребовало некоторого обоснования, и вы мне его дали, блестяще описав идейную эволюцию марксистского учения и оценив роль каждого в этом. Сегодня я уверен, что это крайне важная идея, обладающая научной новизной и свежестью. Я не успел вам сказать, что совсем недавно изучая книгу современного американского социолога Рэндалла Коллинза «Четыре социологические традиции», я именно там обнаружил вашу идею о значительном, а может и решающем, вкладе Энгельса в формирование теоретического наследия марксизма. Представляю, как бы с вами поговорили по этому поводу...

Друг.

Это самая сложная часть. Я никогда не думал, что так получится. Но как-то сложилось, и после нескольких лет совместной работы мы почувствовали, что становимся друг другу нужны.

В последние годы я с гордостью и удивлением начал осознавать, что мы стали настоящими друзьями. Это было удивительное и светлое ощущение.

Мой друг, Перси Борисович Гурвич, профессор, лингвист, полиглот, родившийся в буржуазной Латвии в 1919 году, сын известного меньшевика, соратника Ю.Мартова. Перси Борисович Гурвич, вступивший в латышскую социал-демократическую партию в 1935 году, в 16 лет, и не изменявший идеалам социал-демократии, поездивший еще в 30-х годах по Европе, учившийся в Германии, в Швеции, во Франции, знающий и говорящий почти на всех европейских языках (а немецкий, считающий своим родным языком).

Перси Борисович Гурвич, всю семью которого расстреляли фашисты в самом начале второй мировой, бежавший из немецкого концлагеря, попавший в Советский Союз, и там посаженный уже после войны на 10 лет за то, что отказывался считать предателем Иосипа Броз Тито (сегодня уже не каждый вспомнит, кто это!).

Перси Борисович Гурвич, выпущенный из тюрьмы, реабилитированный, работавший в Дагестане, Туркмении, Туле, Владимире, создатель научной школы в преподавании иностранных языков.

Перси Борисович Гурвич, многолетний депутат городского Совета города Владимира, общественный деятель, популярнейший человек, сделавший много для наших людей, почетный гражданин города Владимира...

...Очень часто, при невозможности личной встречи нас спасал телефон. Как только вам, Перси Борисович, приходила какая-то идея - вы тут же звонили мне, и мы обсуждали ее и думали, как ее можно использовать. Это было почти каждый день, мы привыкли друг другу, это стало какой-то необходимостью для нас.

Потребность общаться с другом сохранилась у меня до сих пор. И мне очень не хватает вашего мнения, ваших идей, вашего голоса. Вашего чувства юмора, основанного на классическом образовании и воспитании, с одной стороны, и на озорном, даже иногда на хулиганском, жизненном опыте. Я учился у вас отношению к обстоятельствам, к людям, к животным. Я наблюдал как все это складывается в единую непротиворечивую личность. Это удивительно, но я больше не встречал таких цельных личностей.

Я учился у вас и отношению к искусству, литературе, поэзии, которую вы знали и очень ценили.

На дверях вашей кафедры вы повесили листок со стихами. И с гордостью мне его показали. Думаю, его стоит процитировать.

Против культа порядка

Ту мысль на сотнях вывесок читайте,
Внушается она нам как завет:
«Вошли, дверь за собою запирайте!
Уходите – так за собой тушите свет!»

А для меня упрямая отрада
Наоборот сию мысль излагать:
«Вошел, - открыть все двери шире надо,
Уходишь, – за собою пламя разжигать!»

Вот эту мысль ни от кого не скрою,
Не стыдно за упрямство мне ничуть:
Не зарастет тогда тропинка за тобою,
И за тобой светлее будет путь!...

Позволю себе напомнить несколько забавный эпизод. Лет 5 назад, вы, Перси Борисович у себя на кафедре показали мне какой-то ключ и гордо сказали: «Вот, выдали ключ от преподавательского туалета. Я когда туда хожу, после никогда не запираю! Пусть все пользуются!»

И вы действительно так делали! Причем его многие преподаватели были недовольны. Но это вас не останавливало.

Вот это ощущение собственной силы, когда ты прав, – этого нам часто не хватает.

Вообще, у меня еще много слов, у меня есть что сказать, есть что вспомнить. Наверное, надо будет серьезно этим заняться, Перси Борисович. Вы ведь не очень любили про себя рассказывать. Значит, теперь это уже и моя обязанность.

P.S.

Я, конечно, понимаю, что это письмо – всего лишь форма, мой способ поговорить с человеком, который мне не ответит. Но это понимание никак не снимает необходимость, острую необходимость такого разговора для меня...

Когда Перси Борисовича не стало, мне несколько недель подряд снился сон, что он мне звонит, мы привычно разговариваем, спорим, обмениваемся мыслями... А потом становится понятно, что это только сон. Мне вдруг становилось страшно одиноко от того, что некому было рассказать о пришедшей идее, что не было рядом человека, которого интересовало почти то же, что и меня, и никто уже не спрашивал с таким неподдельным искренним участием о том, как растут Маша и Миша, о том, как у меня дела с моей докторской... Все хорошо, Перси Борисович, все хорошо...

Перси Борисовичу Гурвичу

Автор: Роман Евстифеев

06.02.2012 17:45 - Обновлено 06.02.2012 17:49

Теперь, когда я думаю и вспоминаю о вас, Перси Борисович, в голове у меня звучит не только ваш неповторимый голос, но и строки Владимира Высоцкого, поэзию и песни которого вы, Перси Борисович, чрезвычайно ценили:

Почему все не так? Вроде все как всегда:

То же небо - опять голубое,

Тот же лес, тот же воздух и та же вода,

Только он не вернулся из боя....

То, что пусто теперь, - не про то разговор,

Вдруг заметил я - нас было двое.

Для меня будто ветром задуло костер,

Когда он не вернулся из боя...

...Нам и места в землянке хватало вполне,

Нам и время текло для обоих.

Все теперь одному. Только кажется мне,

Это я не вернулся из боя....

Р.Евстифеев

Октябрь 2011 года

Опубликовано в книге "Человек человеку - человек..." Сборник воспоминаний и статей памяти Перси Борисовича Гурвича. Владимир. 2011. с.50-58.